Екатерина Зинурова

На Шипке

УДК 82-1
ББК 84Р6
З 16

Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры РФ и техническом содействии
Союза российских писателей

Зинурова, Екатерина
З 16 **На щите** / Зинурова Е.С. Стихи -
Владимир : Из-во «Транзит-ИКС», 2019 - 74 с.

ISBN 978-5-8311-1248-1

УДК 82-1
ББК 84Р6

ISBN 978-5-8311-1248-1

© Зинурова Е.С., 2019
© «Транзит-Икс», 2019

СОГЛАСИЕ НА ПРОИГРЫШ

Читая стихи Екатерины Зинуровой, в очередной раз понимаешь: поэтическая речь предоставляет нам прекрасную возможность говорить о том, чего в повседневных беседах касаться не принято, и задаваться вопросами, на которые нет и не может быть однозначного ответа... Кто мы такие? Кем и для чего созданы?

В том, что Творец у мира и человека есть, Екатерина Зинурова убеждена. Жизнь, полагает она, — это задание, с которым нужно справиться. И чтобы выполнить его успешно, человеку даются талант и призвание, которые, по слову апостола, «непреложны». Не выполнишь — Господь на смену тебе пошлёт в сей мир кого-нибудь другого. А тебя снимет с дистанции. Эта мысль и пугает, и мобилизует.

Поэтому, видимо, Екатерина Зинурова так часто пишет о смерти, о «марафоне смертей», запущенных, по её выражению, Богом. Она живёт «между этим днём и смертью»: пристально всматривается в обречённый надломленный ивовый прутик; внимательно изучает кенотаф – памятный знак, стоящий на обочине дороги у места аварии; вспоминает об умершем старике-охраннике, верившем в инопланетян. А одно из самых ярких стихотворений сборника посвящает певчей птице, преждевременно вернувшейся с юга к российским снегам и метелям: «О, как она поёт, царица, // Уже почувствовав ошибку, // Срывая голос в звонкой трели, // Предсмертный нам даёт концерт...»

И, тем не менее, Екатерина Зинурова вопреки очевидности уверена, что любая смерть, в том числе и предстоящая ей самой, событие не единичное, а воспроизводимое: жизнь прекращается неоднократно — и в этом мире, и в потустороннем, — а потом начинается снова. Смерть преходяща, хотя и побеждает. Но победа её временна. А человек, даже проиграв, продолжает жить.

Екатерина Зинурова вообще воспринимает существование как борьбу. Для неё и любовь — «личный фронт», и семья — поединок («Так тревожно стоит одинокая мать, // Которой её одинокая дочь // Заявляет, что та ей мешает

жить...»). Сам мир удерживается в равновесии лишь благодаря незримой схватке «белого» и «рогатого» персонажей.

Однако во всех состязаниях, выпадающих на её долю, Екатерина Зинурова, предпочитает быть побеждённой. «Существую, пока проигрываю в борьбе», — говорит она. И на вопрос: «Со щитом или на щите?» — отвечает названием своей книги. Беспомощность, покинутость, отчаяние для неё, как и для всякого поэта, состояния творчески продуктивные. К нашей читательской радости.

Рифма для стихов Екатерины Зинуровой — показатель факультативный. Они держатся в основном на ритме и метре. Которые, добавим, надёжно подкреплены взволнованностью тона и внятностью поэтической речи.

В книгу «На щите» вошла не только философская и любовная лирика. Есть и сюжетные стихи (уже упомянутая «Птица», «Баллада о первых свиданиях», «Поэт»). Но хотя они и близки к прозе (персонажи, диалоги, авторский взгляд: участливый или же иронический) прозою эти стихи не становятся. Екатерина Зинурова остаётся лирическим поэтом: в повествование внезапно врываются восторженные восклицания или сокрушённые вздохи. И так это замечательно, что чувствуешь себя счастливым.

Среди поэтов бытует мнение, что первую книгу написать несложно. Что она нечто вроде свидётельства об общем образовании, которое теперь есть практически у всех. Вторая же книга — как диплом об образовании высшем. Что ж, остаётся поздравить Екатерину Зинурову с успешной защитой. А читателей – с хорошей книгой. Проигрыш, на который автор был согласен, обернулся для него победой.

Дмитрий Кантов

I. Тёмные воды

***

Мир нечёток. В очках смотри или без,
Мир нечётен, несимметричен, нетрезв.
Память, словно рассветный туман по полю,
Рассеивается и проходит. Не помню.

Нет. Помню. Как всё это началось?
Мне три года. Взгляд в зеркало. Кто это? Я?
Это я. Иду в школу, потом в институт.
Это я выбираю как будто маршрут.
И как будто бы я выбираю судьбу.
Мне двадцать. Я столько всего могу.

Мне тридцать. Мне больше не стать врачом,
Космонавтом, художником, скрипачом.
Мне сорок. Что же? В третий раз замуж?
Не хватит ли? Мне пятьдесят. Достаточно.

Всё? Невозможно. Я не прожила.
Ещё не подошла
Эта ночь, что приходит ко всем.
Почему же так страшно и свет в конце…
Туннеля?
Жизнь и была — туннель,
(По которому ты в темноте пешком.
Да и чёрт с тобой, раз не основной.
Дошагал и отбой).

Значит, больше я Тебе не нужна,
Я хоть справилась, Господи? Хоть чуть-чуть?
Ведь всю жизнь иголками, словно хвоей,
Обрастала, и сбросила, будто хворая
Ель. Видел ли? Не смотрел?

Ты всю жизнь молчал, но теперь-то можно. Ведь всё равно.
Ты скажи одно, что всё это было предрешено…

Бог устало кивает и превращает воду в вино.

***

Жизнь исхожена, словно за домом рощица,
Где на три березы — одна сосна.
Будто пыльный ковёр, выбить душу хочется,
Весь осадок прошлого в снег втоптав,
И заевшее в мыслях скупое: «Прожито»,
И надежду на якобы лучшую жизнь.
Всё грядущее где-то случилось тоже.
Просто мы до него ещё не добрались.

Всё грядущее спрятано по конвертам,
Каждый год слетает одна печать:
Моя смерть — точнее, одна из версий —
Состоялась, свершилась или стряслась.
Жизнь уже где-то кончилась, а сейчас —
Интермедия. Или, скорее, антракт.
А потом: пятый акт, на поклон, реверанс.
Режиссёр: «Эта пьеса писалась под вас,
Чтобы вы раскрыться смогли, творить,
А не просто зрителям угодить,
А не просто надеяться, что потом
В Мариинке сыграете или Большом!».

Реверанс. Поклон.

Всё пройдет. И когда-нибудь это уже прошло.

***

Одному подставляю щёку, другому плечо.
Не завидую, не ищу чего-то ещё.
Мне довольно весеннего ветра, высоких гор.
Насмеялась, наплакалась. Хватит, несите счёт.

Я живу не от встречи до встречи, а просто между
Этим днём и смертью. И мне несложно себя утешить,
Тем, что не исчезну. Отправлюсь куда-нибудь
непременно…
На подпевках кукушка: «Пока расслабься, не скоро смена».

Позже на землю вышлют похожую, будет:
Мёрзнуть летом, бояться страха, лезть в душу людям.
И любить будет ярче, жарче, в общем — солидней.
Одному подставит подножку, другому — спину.
И, наверное, будет в чём-то меня красивей…

Не пущу эту стерву, пока остаются силы.

***

Ночью, в плацкарте, на нижней полке,
Сверло ледяное бурит висок,
И голос – как будто чужой мне – стонет,
Тело вьётся наискосок.

Опьяняет вина́, умывает красным
Лицо. Так нервно, что — тошнота.
Разлюбила. Совсем. И на этом контрасте
Почти неприятны его суета

И нежность. Жгутся его касанья,
Обнажают сердечное самозванство.
И горячее, сбившееся дыханье,
Что скользит вдоль сутулой моей осанки,
Не поможет памяти вновь оттаять.

Так по чужому лицу своему
Я вожу ядовитой, шипастой правдой:
«Виновата, предательски виновата
Перед ним. Ничего уже не исправить».

Вот бы выкатилась слеза.
Вот бы выплакать все глаза.
И почувствовать
Снова: сердце ещё на месте.

Хоть бы кто меня наказал,
Хоть бы кто мне сказал: «Назад,
Возвращайся». Но я-то знаю, меня поддержат.

Я сама для себя конвой.
Разум мой сам себе острог.
Боже, дай мне ещё глоток.
Пересохло горло.

***

Словно в тёмные воды озёрные
И в слепое небо беззвёздное,
Как на месяц, сокрытый тучами,
То ли в прошлое, то ли в будущее
Я смотрю, не моргая, не щурясь.

Просто ты мне ещё не встретился,
Или случай пока не представился.
Страсть к комфортному одиночеству
Беспощадна ко всем нечаянным,
Незнакомым, чужим касаниям.

Сердцу тошны увещёвания:
«Тот хороший. Поди, разгляди его».
Как плацебо для бронхоастматика,
Физраствор для неизлечимого.
Сердцу хочется неподдельного:
Обречённости, пусть губительной.
Оттого оно невнимательно
К нефатальному, необязательному.
И живёт себе по касательной.
Тихо.

Я смотрю на тебя, как в глубь хвойного леса,
Как в любую невидную, длинную глубь,
Как в глаза, от которых не надобно света,
Только взгляд: тот начертанный в воздухе луч,

Устремлённый ко мне из тьмы,
От грядущего, страшного «мы».

***

В закатное небо — щепоткой басмы.
И тучи стали смолистой мглой.
Вязкой, матовой, плотной массой,
Будто платье в кастрюле красят,
Мерно помешивая луной.

Звёзды — перхоть на чёрном бархате
Тёплой ночи в начале августа.
Воздух тих, непрозрачный газ,
Вдоль щеки струится и гладит,
Нежно касаясь подушечкой пальца,
За уши волосы отводя.

Мне вдыхать неба жар под солнцем —
Из отравленного колодца
Пить.
Ночь нежна, пока она не внутри.

Но она внутри.

***

Душа распрямилась упругой веткой,
С которой стая вспорхнула ворон.
На смену измаявшемуся от безветрия
Морю тучи гонит муссон.

Когда он встретился мне — затёртой,
Как надоевшая песня в плеере, —
Пред ярко-синей его толстовкой
Померкла седая небесная твердь.

Я не стану в глаза смотреть,
И не стану себя жалеть.
Пусть меня чуть-чуть посжигает,
Это лучше, чем жить, умерев.

С головой облили водою,
Ущипнули, от сна пробудив.
Потому что наличие боли
И последующий рецидив
Заставляют держать осанку,
Добавляют походке лёгкость,
Так спасительна неразделённость.
Как взаимность губительна. Боже!
Вот же глупая жизнь.
И всё же.

— Не подходи, прошу… Но будь возле.

NON SERVIAM?

Каждый раз при «Да будет воля Твоя»
Замолкала. Противился разум власти
Твоей. Не доверю, мол, даже слегка
Я вмешаться и в сердце моё, и в пространство.

Сохрани, но не тронь. Помоги, но не правь,
Будет хуже? Пускай. Я сама виновата.
Но владыке небесному волю отдать —
Значит, сдаться, а это во многом чревато.

Всё исправить, улучшить подвластно одной
Только мне!.. Но потом… Среди ночи…
Я проснулась в такой тишине ледяной,
Что твоя теперь очередь, Отче.

***

«Знаете, я умею любить красиво…»

Е. Зинурова. 2012 г.

Всё-таки я не умею любить красиво:
Завтрак в постель, эсэмэски, стихи и свечки
Не для меня. Я плакальщик, я могильщик
И гробовщик любой романтической встречи.

Я молчалива, угрюма и суматошна.
Нервничаю, скучаю, не прикасаюсь.
Ни признаний, ни клятв, даже слов от меня не дождёшься.
Подарки мои бесполезны, взгляды – случайны.

Что умею? Записка «выпей лекарства» и фото
«Три на четыре»: вот они — все сокровища.

Думала, он уйдёт, и жизнь остановится.
Но она происходит дальше и дальше, чёрт возьми.

Дальше и дальше кривой перечеркнутых строк.
Мысли о нём перебираю, как чётки,
Как на проезд отложенные монетки.

С ним вместе я перестала бояться смерти.
Не её ли коса царапает мне висок?

***

– Как на личном фронте? – Навоевалась,
Проиграла, вынесли на щите.
В голове – оккупация, в сердце — жало,
Жалость в сердце каждого, кто ещё цел.
Поздно биться, на кладбище я уже
Надоевших тебе безнадёжных женщин,
Быть с тобой или попросту умереть:
Был ли выбор? Но он тем не менее сделан.

Был ли шанс? Когда капу зажав во рту,
Я глотала кровь, а в углу напротив –
Безразличие, скука. Каков урок?
Всё, по-моему, хватит уже уроков.
У меня чёрный пояс по одиночеству,
Расставаниям с полным забвением клятв.
Эта выправка, нервы стальные, чокнутость
Всё равно не стоили трудозатрат.

Личный фронт – поле минное, сущий ад.
В общем как-то так дела обстоят.

***

Да, конечно, слово не воробей.
Чуешь — рвётся, так шею сверни, убей,
Потому что слова — что воронья стая,
Они в одиночестве не слетают
С языка, расцарапав его до крови,
Потому что слово уже не у Бога,
И не Бог давно. Да и есть ли Логос?
И Его ль я в молчании слышу голос?

Что ни скажешь — всё истолкуют криво.
Нет в словах ни воли моей, ни силы,
Нет в словах ни правды уже, ни страсти,
Потому и итог разговора ясен.

А избавься даже и от вранья,
Никуда не деться от воронья.

ТРИПТИХ: Письма

Письмо первое. Неотправленное

Дом — работа — дом, в воскресенье — сон
До обеда. На улице, за окном —
Будто выжал кто половую тряпку,
Расплескав с мутноватой водой ведро.

Я два года подбрасывала монету,
И вставала всегда она на ребро,

А теперь засветилась в моем кармане,
Будто рядом прячется лепрекон.

Предвкушенье обманчивое подарка…
И в погоню за золотым руном —
За бесследно покинувшим сердце мифом,
Что необязательно только боль-
-ю кончается встреча.
Есть что-то кроме.

Есть что-то кроме, когда ты смотришь,
И в ответ я не отвожу глаза.
Вспышка света. Божественная прямая
Между нами, как будто прочерчена.
Ненадёжная и невечная.
А потом что?
— Да не умру.
(Каждый раз так себе я вру).

Письмо второе. Тоже неотправленное

Будто ветер порвал провода, и кабель,
На асфальте кривясь как змея, искрит.
Слёзы копятся, видно, боятся падать,
Исключая надёжнейший проводник

Боли, — что ж, — заземление предвидится,
Где и положено — под землей.
Не живётся, не радуется, не спится.
Так лучше лились бы уже рекой…

Слёзы,
Смойте напрасные поцелуи
С моего лица.
А других не будет. Уже не будет.
И нет конца.
Неприкосновениям твоим,
Невзглядам. Как хорошо,
Что ты всё это не прочитаешь.
Всё, что написано здесь, не твоё.

Дом — работа. Звеньев других всё нет.
Выпал снег.

Письмо третье. Неоконченное

Лезут пушинки из пуховика.
Словно снежинки на снег
Ложатся. Вот так и уходят лета.
Не-за-мет-

-Но… Говорят, не терпи, и боль
Выпусти, выжми по капельке.
Спрячь в изгибы бумажные
Тщательно букву каждую,
Тоненькой ручкой шариковой
Водя.

Легче. Чуть-чуть. Но не проще.
С каждой удачной строчкой
Мой заплаканный почерк
Меньше дрожит. Точку?
Ставить ли?
Если я все ещё…
Очень…

II. Вне

***

Я первой захожу в траву,
Я мну её для тех,
Кто следующим пойдёт за мной,
Я — просто ориентир,

Я впереди не потому,
Что лучше тех — в хвосте.
Я лучших прячу за спиной.
Я знаю, как идти:

Ведь я протаптыватель трав,
Ведь я наметивальщик троп.

И, может быть, поэтому
Всегда одна стою
Перед зарей, которой Бог
Так балует свою —
Мою родную землю.
Быть может, мы идём
Почти одновременно.

Я вижу, как, сутулясь, Он
Скрывается в раю.
И обернувшись, взглядом
Мне: «Не отставай».

Не отстаю.

***

Тоненькая была и упругая
Веточка ивы: болтается, сломана,
Но не оторвана — бьётся о дерево.
Листья на ней пока что зелёные.

Кто-то выкручивал очень старательно.
(Мальчик, наверное, меч смастерить хотел).

Веточку держат волокна ивовые,
Гонят напрасно к ней соки древесные.
Неотвратимая и бесполезная
Смерть рядового бескровного прутика.
Я почти что решилась сама доломать его,
Но почему-то отдёрнула руку.
Хоть для него это вовсе не мука,
Пусть это буду не я.

***

Всё гораздо проще, если представить.
Мир — доска, что нетвёрдо лежит на шаре.
На одном конце кто-то в белых одеждах,
А с другого — в него летит острый камень.
Двое молча следят друг за другом и плавно
Движутся. Резкость для них смертельна.
«Белый» как-то пытался пробраться к центру
Поближе — чума овладела Парижем.
А недавно он даже почти сорвался,
Но рукой зацепился за край доски.
На земле изготовили столько ядер-
-ного оружия, что… Почти!
У второго, с рогами и мерзким смехом,
Не бывает шатания. Он хитёр:
Понимает, что если сорвётся соперник,
То он тоже свалится в свой костёр.
Это вахта? Схватка тем напряжённее,
Чем скучнее кажется со стороны.
В идеале, конечно, им в центр — дать бой,
Но, никто, я думаю, не рискнёт.
Ведь в итоге, возможно, погибнем мы.

И они стояли бы, может, потише,
Или даже поспали с десяток веков…
Только шар под доской неуёмно движется
И его раскручивает сам Бог.

***

И когда застыла ночная мгла,
Маска треснула. Тоненький птичий щебет
Вниз спустился с когтистых сухих деревьев.
Без него неподлинная тишина.

У молчания всякого есть свой звук,
Оно — словно натянутая струна,
На которой играют всегда без рук.
Пока птица мой отвлекает слух,
Тишина жива.

Загорается спичка, и наступает сплошная тьма.
Как погаснет свет, то тьмы тоже нет.
Ночь не так пуста. Впереди рассвет.

И пока хоть кто-то со мною есть,
Я одна. Одна.
Понимаю, как заблуждаюсь и что мала.

А когда останусь сама с собою наедине,
Как на зеркало скатерть, на веки посмертная ляжет тень.
Существую, пока проигрываю в борьбе.
Жизнь бывает лишь перед и после частицы «не».
Остальное — вне.

***

Хорошо жилось мне, пока ребёнком
Я мечтала саблей махать, как витязь,
Или спрыгнуть на облако с вертолёта,
Зацепиться за краешек и повиснуть.

Я не помню, как мысль из «Хочу того-то»,
Превратилась в усталое «Так сложилось…».

Как легко было рвать в огороде вишню
И не слышать судьбы неизбежный зов,
И не думать о том, что тебя стережёт
Призвание. Скоро, мол, подрастёшь
И почуешь: оно тебя поведёт.
И ты будешь ворочаться до рассвета,
А утром поймаешь луч солнца лупой
И расплавишь чёртов кусок резины,
И захочешь отдаться навек науке.

Есть такие дети, которым в десять
Колыхнуло чёлку дыхание ветра.
Взгляд стал сразу строже, спина прямее,
Они поняли, в чём их долг пред Вселенной:
Строить храмы, доказывать теоремы.
Говорят, это очень тяжкое бремя.
Но как хочется, Господи, хоть на время
Ощутить тот ветер, не здешний — мёртвый,
А тот, что зовут поцелуем Бога.

Я уже не жду, что меня как громом
Вдруг поразит откровение с неба.
Раз не выбрали, что ж, может, и повезло мне…

А, знаете: вру ведь, не верю.

***

Тот презрительно смотрит на воробья,
Кто синицу гладит рукой.
Ну, а тот, кому надобно журавля,
Только в небо глядит с тоской.

Чтобы, дождавшись, почти суеверно
Сказать без грусти: «Издалека…
Но я видел, как тучи дрожат в его перьях,
Как блекнут пред ним облака».

ПТИЦА

Набухли почки в январе,
Весною обманувшись мнимой.
Расползся в лужи лёд, траве
Подумалось: «Пора расти мне…»

И мы-то — люди знаем, что
День-два и сгинет наваждение —
Весны наивное виденье
Враз вьюга ревностно сметёт.

Но тут, идя домой под вечер,
Совсем весенний слышу щебет:
Нет-нет, не чиж и не щегол.
Так заливается скворчиха,
Весну встречающая гордо
(Как раз под Старый Новый Год…).
Не может быть! Она вернулась?
Да, видимо, она рехнулась.
Так рано возвратиться с Юга!
Ведь ей, наверно ж, говорили,
Смеясь, приятели оттуда:
«Побойся Бога. Что за дура!
Мы прилетели только с месяц.
Сейчас в России снег и вьюги,
О чём ты думаешь? Не верь!».

Поверила. И вот — у цели,
Но радость – миг, длиной в неделю,
Ведь скоро это потепленье…
Пройдёт!

Мороз. И гнёзда не согреют.
Да хоть скворечники, хоть норы…
Дней пять — и нет, не под землею,
Под снегом пролежит до марта
Храбрейшая их всех пернатых.

И я завидую упрямству
И воле этой редкой птицы,
Придумать, взяться и решиться.

О, как она поёт, царица,
Уже почувствовав ошибку,
Срывая голос в звонкой трели,
Предсмертный нам даёт концерт…
И даже если из тщеславья,
Из жажды оказаться первой
Она взяла и прилетела,
Она уже достигла цели.

Ах, как она, бедняжка, пела!
Как будто капала капель,
Как будто бы на самом деле
Земля согрелась.

***

Так в детстве, прыгая с качелей,
Цеплялись пальцами за небо,
Любя безадресность полёта
И ощущая беспредельность,
Пытаясь в вечность окунуться…
Казалось, это очень просто.
«Когда мы вырастем, мы точно
С качелей унесёмся к звёздам».
Теперь смотрите. Вот он, космос.
Далёкий и непокорённый,
Совсем безлюдный, бессловесный.

И как теперь, толкая воздух,
Ногами, будто рычагами,
За миг зависнуть до паденья,
Взмахнуть рукою и сцепиться
Хоть с гравитацией, хоть с Богом,
И хоть бы раз не опуститься?
Но надо вновь вставать на землю.
На шаткие опёршись ноги,
Вновь оттолкнуться, ну а после
В одну и ту же рухнуть плоскость
С землёй. Покаяться, помёрзнуть.

Однажды выпрыгнет душа
Из тела, как ракета в космос.
Мы в центрифуге. И кружа,
Уже наматываем скорость.

***

Страшно, когда в праворульной машине,
Ты, сидя с водителем рядом, мчишься,
И кажется, надо схватиться и вырулить,
А ты только молишься, сжав ресницы.
Но главное, жизнь не проносится мимо,
А значит, есть шанс не разбиться.

В бардачке у водителя пара бутылок
Из-под спиртного… А скорость всё выше.
Отдайте штурвал, это я должна ехать!
Это ведь моя жизнь, хоть чужая машина!
Но жизнь до сих пор не проносится мимо
Глаз, а значит, мы всё ещё живы.

Не может же смерть не оставить нам шанса
Перед уходом припомнить былое.
Мы все ещё бешено гоним по трассе,
Сменяются виды и времена года.
Именно это и есть жизнь. Расслабься.
Не жмурься, смотри, как проносится.
Вспомнишь, когда будет вечная тьма.

БАМ!

КЕНОТАФ

Ленточка вьётся. Траурный крест
Пыль собирает дорожную.
Криво висит чёрно-белый портрет.
Выцветшим взглядом, заброшенным
Косится с фото [Имя] [Фамилия],
Ниже: «Погиб в 22».
Вот он и стал назиданьем для каждого,
Кто получил права.
Напоминанием, что жизнь случайна.
Раз!.. И была такова…

На ленте потрескалась надпись
Курсивом: «Спи дорогой сынок».
Чтобы не вымокла в дождь фотография
Тряпкой примотан зонт
К самой верхушке креста,
А рядом — лавочка для одного.
Даже, скорее, стульчик —
Он почти что зарос травой.

Зачем это всё? Ведь на кладбище он,
Под землей. А мать здесь сидела, сгорбившись,
Выла, пока рекой
С неба лило. И зонтик забыла, и стульчик.
И? Нашла ли покой?

Где она? Только сосны качаются,
Тучи лениво ползут.

Где она? Крест как будто нечаянный,
Лишний, нездешний тут.

К чёрту. Я уезжают отсюда…
Так медленно, как могу.

***

А.Х.

Я иду в твой сон, я вокруг руки
Обмотаю нить. Ты её держи.
И за мной иди,
И не обернись.

У тебя же мать, у тебя же друг
Обрывает полдня телефон врача,
Чтобы услышав грубое, скудное «жив»,
Выдохнуть. Через минуту отчаяться
Вновь.

Сколько Богу ни плачься, свечей ни ставь,
Сколько пряжи паркам ни накупи…
Нам теперь не растрогать, не убедить,
Если Он уже всё решил.

Он давно запустил марафон смертей
Дорогих и близких, и лишь надежда
Не даёт постичь испытаний смысл,
Да и просто поверить в Его всесилье.
Божьей воле противится чувство вины:
«Я не попрощалась, ты не простил…»

Я глаза закрою и сплетутся мифы
У меня в один.
И какой бы Бог тебя ни спасал,
Лишь бы победил.
И какой бы бес тебя ни выкупа́л,
Лишь бы оплатил.
И какой бы Харон тебя ни отвозил,
И какой бы Орфей тебя ни выручал…

Не смотри назад. Приходи сюда.
Возвращайся к нам.

ПОТОП 2.0

Ветер. Птиц будто сдуло с веток.
Пахло азотом, сверкало светом.
Пыль прибивало к асфальту каплями
Величиной с монету.

Бог не плачет по мелочам.
И это плохая примета.

Умыл для начала, а после выдраил
Улицы, все тротуары и лестницы:
Дождь марафет наводил на смертницу —
Землю. Будто расплавил небесную
Твердь, и отправил в последний путь
Нас, испуганных, не исповеданных.

Мы жалели себя и плакали,
Зная, не напугаешь инфарктами,
Бога, поэтому свыклись с фактами:
Жались в квартирах и ждали засухи.
В Судный день тогда мало верилось.
Если выжили — значит выиграли.
Нас выбрали.

Сорок дней, как безмолвные рыбы,
Замурованные дождевыми
Стенами — прочными и глухими,
Знали, так уже было. Было!
Жизнь победила смерть, а значит,
Наши грехи и тайные страхи,
Смоются, в землю сырую впитаются.
Мы обязательно оправдаемся.

Бог милосерден, если покаяться,
Если только умеешь каяться.

Если согласен на искупление,
Ценой спасения, ценой забвения.
Кончится дождь. Наступит бессмертие,
Мир и умиротворение.

АДАМ

1

И пока остальные ходили смотреть на своё отраженье в пруду,
Он сидел, опираясь на раскалённую солнцем камней гряду,
И думал: «Неужто нас всех друг от друга отличает только лицо?
Раз так, то, может, мне тоже почаще заглядывать в то озерцо?
Какой я? Смуглый, зеленоглазый? Во всём остальном как они.
Мы копии копий друг друга, отцов и дедов и нас самих».

Под вечер, когда холодало, он сворачивался в клубок
И руки большие клал осторожно клетки грудной поперёк,
И слушал, как из-под рёбер рвётся, не вырвется,
мерно стучит и бьётся
То, чего он никак объяснить не мог.

2

Мир случился просто:
Всего неделя —
И готовы камни, ручьи и звери,
И цветочный запах, и птичье пенье,
И Адам, и Ева, и мудрость змея.
Но недолго радовался безделью
Человек. Это яблочное похмелье —
Это с плачем выстраданное веселье —
По наследству и нам горчит.

Да, вот так, спонтанно, считай, с налёта
Мир возник без лишних сомнений и трёпа.
И Адама вряд ли тогда спросили,
Надоело ли быть бездыханной глиной.
Только вспомните, что на него взвалили!
Первородный грех.

Так что нам ли каяться, что нас родители
Произвели на свет?

***

Они скоро поступят в продажу.
Ботинки, в которых можно
Будет ходить по воде.
Осталось каких-то лет двадцать…
И лёгкие, будто бумажные,
С шелковистой шнуровкой до голени,
Плотно обнимут ноги.

Появятся в каждом доме…
И вот уже мореходные
Шоссе для пеших протянутся
По каждому океану.

Будут писать в газетах:
«Сенсация! Нынче! Впервые!
Путешественник [Тут будет имя]
Пересек Галилейское море!».

Мы-то знаем, кто первый.
Он усмехнётся, узнав:
«Не проще ли было поверить?».

— Верим, но, видно, не так.

***

Жизнь измеряя вёснами,
Мне стариться веселей.
Мне маяться, видно, звёздами
Начертано. Им видней.

От летней усталости к сонным
Будням осенним. Зимой —
Я в сне летаргическом, тёмном,
Немом, неизвестно долгом ли…
Я после его не помню.

Но вновь возникаю в мире
Живых, как влажнеет снег.
Как бурый медведь, на свет вылезаю,
Шкуру свою погреть.

От солнца глаза не щуря,
Вдыхаю пыль и пыльцу.
…И уже предвкушаю
Нездешнюю пустоту.

Где нет ничего. Так значит,
Мало осталось майских
Тёплых ночей? Ведь там лишь
Тьма из других субстанций,
Где нет туннеля, и ангелы
Не провожают в рай…

— Господи, как же так!

— Глупая, ты уже там.

III. Закадровый плач

***

У меня никогда не родится сын
И не будет дочки… Смешной, неуклюжей…
Я смеялась бы: «Эй, моя! Вон из лужи!»,
Думая: «Вся в меня!»…
Потому что

Знаю (пусть верить мне нет причин),
Это правда. Не жертва и не кокетство.
Я, наверное, слишком устала сердцем,
Чтобы зря полагаться на пошлые «истины»,
Вроде тех, что «все мы своё найдём».
Да какие все? Да какое всё?
Я смотрю на шкаф своих детских книг,
На игрушки: дракончиков и зайчат.
Я для них, невозможных, всё сберегла:
Все сокровища, помнящие меня.
Свою старую куклу хранит и мать
(Ей я буду врать).

Но порой будто слышу смех, вижу взгляд,
И как в щёку клюнул — поцеловал…
Не судьба, видно, хвастать, мол: «Мой — награда»:
Уже в «год и шесть» «Бармалея» знал.

…Но прости, ведь не будет тебя, мой сын,
И сестры твоей светленькой и худой.
Ваш отец родиться, видать, забыл
Или даже лучше: не должен был.

Это к счастью, Господи.
Мне легко.

***

Неизбывной тоске не видно
Окончания. В пятницу — год.
В телефонной книге фамилия
Твоя вызывает озноб
(Но пусть остается там. С остальными.
Не выдирать же листок).

И имя твоё, звучащее
В толпе или мне одной,
Пугает. Я помню живую ещё,
Живущую рядом со мной.

Был вечер как вечер. Паузы
Повисали. И только сейчас
Вспоминается и усталость,
И нездешность в твоих глазах,

Когда провожала к лифту:
«Не останешься ночевать?».

Ты знаешь, я скоро, наверно, приду
Под землю, к тебе, полежать.

НАДЕЖДА

От кровати до кухни… Недели нет.
И опять я в мятом сижу халате,
Затянувшись поясом от другого.
Я нагадала себе на Святках,
Что ко мне постучится гость незнакомый,
Кудрявый валет червовый.

И теперь я больше всего на свете
Среди дней, проведённых над скатертью грязной,
Дорожу лишь только одним мгновеньем…
Когда ночью, уснуть не могу, я безгласно
Шепчу себе: «Может, завтра…»
И украдкой смотрю на платье,
Что висит на шкафу с того самого дня
И немножечко выцветает.
И нет этой мысли слаще.

Но утро придёт непрошенное.
И не слышно в подъезде шагов его.
И не виден никто в глазок дверной.

На ладони — линии тёмные,
Память хранят о несбывшемся,
Шрамы, криво зажившие.

ГОРЕ

От такого горя не будет ни шрама,
Ни кровоподтёка, ни седины.
Может, только плачем разбудишь маму.
Она мрачно протянет успокоительное.
Ты ударишь её по ладони: «Не надо!
Убери. Не буду я это пить!».

Лучше выжгу горе своё напалмом,
Чтобы даже угль обратился в дым.
Пусть пожжётся, так, может, на дольше хватит,
Пока будет в бензине купаться фитиль,
Отмокая для будущего пожара.
Пока будет греться от спички воск,
Я позирую перед самой собою,
Изнурённой страданием. Сколько слёз!

Только это горе моё — неправда,
Потому что слёзы, от них — отрада,
Но другого, подлинного, не надо
Я не вынесу ведь его.

***

Ночь с бессонницей ходят под руку
Мимо всё моего окна.
Холодильник гудит как проклятый.
Чайник густой выпускает пар.

Я, подперев подбородок ладонями,
Даже не думаю — так пуста.
И явилась она (тоже будто надломленная),
От чего-то внутреннего устав.

Говорит: «Не горюй. Нас пока ещё двое.
Мы ещё продержимся! Чёрта с два!
Может, эта жизнь того и не стоит,
Но нельзя с плеча рубить, не узнав.

Так ли это…
Были друзья и пропали,
Измельчали, озлобились, заврались.
Их пустая жизнь — для тебя отрава,
Но ведь мы с тобой можем ещё обсудить,
Что-то кроме сериалов и биатлона.

И я знаю, о чём ты думаешь: «Кто мы?»
И «Зачем мы?» и вот ещё: «Как стряслось,
Что из сотни задумок свершилось восемь?
Или меньше. Заботы кругом, работа.

Да хоть в землю заройся от тошноты.
Нас на свете семь миллиардов, так много!
А меня не вспомнят уже через сотню
Лет даже собственные потомки».

И так далее… Я на неё смотрю.
Улыбаюсь… А что ещё мне?
Так откуда она? Вот сейчас я коснусь…

Просыпаюсь в своей комнате.

***

Вечно брошенные, зарёванные,
Только вздохи глотают редкие.
Вот напьются вина дешёвого,
А домой проводить их некому…

…Да и не к кому. Взгляды щурятся
То на тех, что в углу целуются,
То на встречного-поперечного.
«Хоть какого бы! Хоть на вечер бы»!

Ты, Дающий жён детям Адамовым,
Дай же каждой по благоверному.
Перебродила в них отравленная,
Одичавшая уже нежность.

Вызывайте такси, красавицы,
Уезжайте, пока не за полночь.
Так запачкали вас тут взглядами!
Лучше дома ещё поплачете.

Что я делаю? Что я делаю?
Слишком вредны мне ночи августа.
Вы уедете. И совсем теперь…
Никого у меня не останется.

***

Затянув платок, запахнув пальто
Так, как будто молния разошлась,
Щурится. Вот он, испуганный взгляд,
Отвыкший знакомых в толпе встречать.

Так тревожно стоит одинокая мать,
Которой её одинокая дочь
Заявляет, что та ей мешает жить,
Так как слишком навязчиво бережёт.
И что бусы, желанные девочкой в детстве,
Теперь — «вульгарщина и позор».
Что юбка, сшитая мамой, — «страшная»,
А вязаный шарф — «ни к чему не идёт».

Как она растеряно поправляет
Сумку, слетающую с плеча.
Она знает, что дочь её очень стыдится,
И с гордой обидой её встречает,
Стоя поодаль от остальных.

Если дочь в положенный час не вернётся,
Она тихо свечку зажжёт на кухне.
Одинокие мамы одиноких дочек —
Огоньки в окошках.

***

От внутренний дрожи валятся с полок
Книги, и, падая, бьются кру́жки.
Господи, так ли написано в Библии,
Ты ли мстить обидчикам будешь?
Я оплёвана, будто связана,
Не достать рукой, чтоб пощёчину.
Ненавидёть могу, но боль моя
Не залатана нитками прочными.
Я неспособна и на милосердие:
Так малодушна — душа маловата,
Но раз уж такая она не послушная,
Не растёт до «великой», то как тут быть выше
Себя?
А никак — молчать и мучиться.
Сколько пыталась простить — неискренне,
Вспомнишь — и слёзы (всё от бессилия).
Да, я раскаиваюсь от мыслей
Грешных, но ведь и не простила.

От унижения — делаюсь меньше,
Но я не умру, коль не будет возмездия.
Судите и мерьте меня по моей
Мере (у вас – километры).
Помилуй, Господь.
Я желаю другому смерти.

ЗАВИСТЬ

Я завидую. Говорят, что
Это гнусно, и что грешно.
Это ест меня и подчас я,
Ненавижу себя за слабость,
Что завидую тем, кто счастлив,
Кто богат и собой хорош.
И несчастным завидую тоже.
Может, даже гораздо больше.
Потерявшим всё, но не сердце,
Сохранившим внутренний свет.

Мне от злости темно и душно.
Я завидую и послушным,
И, конечно, бунтовщикам.
Сжечь мне или построить храм?

ИНКУБУС

Он смотрит быком на мой красный шарф
И носит с собою нож.
И я говорю ему: «Ты, — чуть дыша, —
Однажды меня им убьёшь!».
А он отвечает, повеселев:
«Боишься? Уйди!.. Постой!»
И только пронзает меня клинок,
Я снова в постели пустой.
И снова тоска. Убийца из сна —
Мой демон, мой Асмодей.
Так ярок и красочен, что бледна
Пред ним вереница дней.
Хоть ясно, хоть пасмурно — всё одно.
Ослепительнее огня,
Больнее укуса, острее стекла
Злые его глаза.
И если бы встретить его живым,
Запнуться об этот взгляд.
И сразу и страсть, и смерть узнать.
Двух гибелей не разделять.

МОЛИТВА

1

Господи, если скучно
Станет тебе смотреть,
Как я часами то в пробках,
То в очередях томлюсь,
Как грязные волосы липнут
К вискам, как обветрились губы,
Забери меня.
Всё равно тут уже
Никто меня больше не любит.

Приюти меня и утешь меня,
Сбереги от всех неудач.
Я смотрю — моя жизнь,
Как плохое кино,
Истеричный закадровый плач.

2

Говорят, это всё от плохой погоды.
От того, что пасмурно и дожди.
Вот такой регион у нас: месяц солнце,
А потом лучше к окнам не подходи.

Говорят: тебе не хватает света.
И мне не хватает его… внутри.
Сыро и зябко. Не греет в груди.
Солнце.
Господи, помоги.
Сами мы не спасёмся.

3

Я умру. Почему не здесь и сейчас?
Почему я жива пока?
Я не сплю. И волки всю ночь кусают,
В клочья рвут мне бока.

Молчание Твоё убивает, не слово.
К чему мне ещё одна ночь?
Забери меня, Господи, буду на небе
Ступой грехи толочь.

Буду шить ангелам крылья из воздуха,
Дыры в накидках латать.
Не оставляй меня здесь — в беззвёздном
Аду для боящихся спать.

SILENTIUM

Мы присядем на лавку. Нам по колено снег.
Вечереет. Вдвоем спокойнее, где темней.
Я начну разговор о том, что среди сует
Суета моя всех стремительней и ловчей,

Не даёт даже сахар в чай положить с утра,
И друзьям позвонить не даёт уже где-то с лета.
То, что я посижу с тобой — это просто так.
Получу ещё за самоволку от ловли ветра.

Только то ли слова не те, то ли не при тех,
Но от исповедей таких лучше б отмолчаться.
Это будто скрыл, от попа, застыдившись, грех
И он жжёт тебя изнутри, не пуская к причастью.

Но меня не слышат,
Будто взлетает здесь самолёт.
Или будто я рыба,
Корчу предсмертный вздох,
Бьюсь на мели,
Но слов в моих жабрах нет.

Так душит невысказанность, грохочущая во мне.

IV. На разных берегах

***

На разных берегах одной реки
Они взрослели. Встретились — влюбились.
Решили убежать. Скорей всего, уплыть.
И даже плот из веток смастерили.

Родителям, друзьям — сначала всё равно,
А после стало страшно за подростков.
Их запирали дома, их дразнили во дворе,
Ломали плот и воровали вёсла.

Казалось бы, тут всё предполагало бунт.
Но нет, не вышло: дети не сбежали.
И дело не в реке, и не в скандале.
Они решили: просто показалось,
Они решили: это не любовь,
Что будет новая когда-нибудь, другая.
А это так — по-детски, не всерьёз.

А не было. Мне жаль, но так бывает.
И мне эта история близка.
Меж мной и им — лишь несколько кварталов,
А кажется, что чёртова река.

***

Вновь из гостей возвращаюсь одна,
За полночь, вдоль гаражей.
И яркая в небе видна звезда
В отсутствии-то фонарей.
И ещё одна. Рядом луна с кулак,
А цвет, что в меду имбирь.
«Никто не решиться меня убить, —
Я думаю про себя, —
Потому что я всё-таки не одна,
Меня окружают миры».

У нас в гаражах темнота. Потому —
Мир выше. И небо не рыжее.
Я, щурясь, рукой закрываю луну
И голые звёзды бездвижные.

***

Так в послепраздничном похмелье,
Я, изнывая от тоски,
Распластываю от безделья
Себя безвольные куски
По пыльной плоскости мохнатой
Ковра, подняв на люстру взгляд.

Попытки приобщиться к жизни.
Я всё-таки превозмогла.

Так, обездвиженность и тела,
И мыслей движется к пределу.

И скучно даже просто пожалеть себя.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

И когда печаль тебе серой шалью
Накрывает плечи, в неё не кутай
Ты лицо и ноги. Оставь на кресле,
Как ляжешь спать.

А когда печаль раствориться в чае
Не цеди, а пей большими глотками,
Не томись, не смакуй, но не выливай.
Просто продолжай.

А когда печаль в неурочный час
Застает, не стыдись её, не прогоняй.
Утешай воркованием светлой тоски.
И чуть-чуть грусти.

***

Вишня в цвету и яблоня.
Это хороший знак.
Сейчас аромат, а в августе
Все выйдут с корзинами в сад.

Я цвету — будто в озере
Зеленеет вода по осени.

Он, кстати, любил болота.
И меня водил посмотреть.

Я-то знала, что всё закончится
Очень быстро, но как же нравилось
Слушать эти его «Ты красивая»
И ещё что-то, но по имени
Так ни разу и не назвал меня.
И вот это плохой знак.

Вишня в цвету и яблоня.
И я опять не одна из них.
Безымянная и бесплодная.
Как и вся наша с ним история.

Тина болотная кровь замутила,
Чернеет сердечная гладь.
Это вовсе не сад и почти некрасиво,
Но ты приходи постоять.

***

Но пресыщение порою
Противней голода. И я
Спешу отделаться от бойких,
Так жадно требующих меня.

Пересластив беседу, пасть
Легко до дружбы нежеланной.
Как тяготят чужие тайны!
А их, безрадостно хранимых,
Всё больше с каждой новой встречей.

Как просто перейти черту
Приятельства (собой исполнив
О друге чью-нибудь мечту).

Тем тяжелее отдаляться,
Пришёл ни с чем, ушёл с душой,
Подаренной тебе по-братски
Доверчиво и ни за что.

И сердце тронуто. И всё же.
Я, отдалившись хоть на миг,
Вдруг начинаю ощущать
И грусть, и почему-то стыд.

***

За недоверчивость свою
Я не виню меня предавших.
Когда, душа трофей вчерашний,
Винишь себя, винишь броню,
Непрочную, как алюминий,
Как из картона меч и щит.

Доверчивость — цена защиты.
Взаимовыгодный кредит.

Быть может, очень вы хороший.
И, может, самый в мире честный,
Но уговоры бесполезны.
Приятно слушать вашу лесть
И совершенно вам не верить.
Точнее, дело не в неверье,
А в недоверчивости. Вот!
Или ещё пару коктейлей,
И всё пройдёт?

***

Ты, конечно, оставил меня, как водится.
Ведь со временем чувство в обратной пропорции.
Помню, как я ехала на автобусе,
Отдав тебе диски, забрав кроссовки,
И клялась, что это всё несерьёзно,
Даже плакать незачем. Буду ждать.

А потом я клялась, что вот с этим красавцем
Я на время, помучаться, мол, как пусто,
Примитивно. И, правда, была несчастна.
А потом я клялась, что не выйду замуж,
А потом, что если и выйду, то всё же
Это будет жертвой, а не предательством,
Ведь тогда я буду ходить по раю
И не встречу тебя, что гораздо хуже,
Чем всю жизнь прожить с нелюбимым.

Господи, где же моя остановка?
Это же невыносимо.

***

Когда выходишь в минус двадцать,
В метель, пободрствовать часок.
Жить хочется гораздо чаще
И как-то радостней ещё.
На колеях заледенелых,
Смягченных сверху массой белой,
Мне кажется, я наступаю
На лица изваяньям снежным,
Зарытым, но непогребённым.
Навстречу Снежной Королеве
Как будто рвусь. В глазу стекло
Я чувствую, и в сердце… тоже.

Когда выходишь в минус двадцать,
А наступает — минус тридцать
Так редки, так случайны лица.
Так интересен каждый встречный.
Куда тебя, прохожий, гонит?
Что выгнало тебя из дома?
Скривило рот бедой какою?
Иль только ветер спину гнёт?

А я? Не я ли это тоже.
Бреду в тоске, тону в сугробах.
Из головы нейдёт прохожий,
Который мне роднее всё же,
Тех, не глотавших льдистый воздух,
Не тающий на языке.

Но пусть уж будет минус сорок.
Чтобы остыло, всё, что гложет,
Чтобы засыпать все ожоги,
Доставшиеся при жаре.

***

Наш охранник верил в инопланетян
И гордился этим секретным знанием.
Регулярно, в офис к нам забегая,
Рассказывал: все земные страдания:
Взрыв в Чернобыле или теракты в Европе,
Эпидемии, авиакатастрофы,
И подобное — всё пришельцы устроили.

Мы не злились. Скорее, жалели деда.
Одинокий и, видимо, без интернета,
На дежурствах скучал бы. Не пьёт хотя бы,
Избегая, «инопланетной отравы».

Он болел частенько, а мы смеялись.
Мол, схватили охранника нашего твари
Зелёные…
Ну а когда… совсем…
Пили водку, не чокаясь, и молчали.

Умер? Никто не поверил в это.
Он на фронт отправился инопланетный,
Он средь звёзд на космическом корабле
Защищает будущее планеты.
И кому до горя ли, до печали?
Раз на нас пока ещё не напали.

***

Как всё случилось? Вдруг! Ошибка ли? Судьба…
Вот я в реке. Меня водою сносит.
А там, на берегу, стоит мой злейший враг
И, улыбаясь, покидает пост.

***

Дождь. Темнота. Позади — продуктовый.
Купила домой по акции сахара.
Вот только забыла спросить пакет и…
Порвалась упаковка случайно под пальцами.

Тоненькой струйкой почти незаметно
Сыпется, гад, в мутноватую лужу.
И так же почти покидает всё светлое
Мою хоть не очень, но добрую душу.

Может быть, много во мне есть хорошего,
И мелочно было бы плакать над крохами,
Но, подумалось, я же всю жизнь слащу лужи
И редко когда растворяюсь в кофе.

Ведь главное, мне же себя не жалко.
Я и пакет отдам первому встречному.
Я и домой-то его несу маме,
Чтоб она в магазин не таскалась вечером.

А приду, и мне скажут, что я безрукая,
Что меня хоть за смертью шли, как за сахаром.
Подбежала собака. Лизнула лужу.
Я стоически не заплакала.

***

Взяв в руки книгу со стихами
(Когда-то я её читала),
Смотрю: а в ней мои закладки,
И загнуты углы страниц.
А здесь подчёркнута строфа
Карандашом уж очень жирно…

Все эти строки — разговор,
Со мной…
Пускай не сочинила,
Но я сама их прожила:
«Мой ангел, тяжело с любовью,
Что не по силам никому…»
И, значит, было больно. Где
Голодная до поцелуев
Любовь не детская уже,
Но и не взрослая? Такую…
Не грех забыть. Но почему-то
Мне стыдно здесь перед собою,
Карандашом своим, как кровью,
Решившей правду подчеркнуть.
Ту, что я нынче предаю —
Три всё определявших слова:
«Люблю!», «Навеки!» и «Клянусь!».

БАЛЛАДА О ПЕРВЫХ СВИДАНИЯХ

Придут на площадь в час назначенный,
И вот он — первый взгляд, та линия,
Испуганная и невинная,
Пока ещё такая длинная,
Сверкнула в воздухе полуденном.
И вот она перенапудрилась,
А он специально не побрился.
И вот уже наговориться
Не могут. Горы. Море. Птицы.
«А в детстве я умела спицами,
И чуть не утонула в речке».
«А я однажды так напился…»
И вот уже темнеет. Вечер.
Они идут по главной улице,
А, может быть, свернули к парку.
И даже пальцы уже тянутся, но
Сами же потом обратно…
Какая ночь! Густая, нежная.
И разговоры стали медленней…
Они хотят казаться умными,
Глубокими: «Вокруг Вселенная.
А мы сидим, такие мелкие.
Ведь всё погибнет! Что же стояще?»
И им ещё пока что кажется,
Что это, правда, философия.
И что они нашлись, похожие,
Что, значит, небом так задумано.
Он, может, вспомнит, что из Бродского,
А ей навеется из Бунина.
Роса на листьях, ей неловко
Просить его делиться курткой.
Она пытается намёками.
Глаза горят. Смеётся. Шутит.
Он строит из себя Онегина,
Он строит из себя Печорина,
Спокойного, разочарованного,
Не в ней, но в жизни, что существенно.
А звёзды — яркие, огромные.
Как будто только что протёртые
От звездной пыли…

Как случается?
Когда, в какой момент теряется?
Живая эта, пусть надуманная
Мечтательность, и это таинство.
О, эти ночи!.. Это главное,
Что, может быть, потом ей вспомнится,

Когда на пыльные, невзрачные
Она в окно посмотрит звёзды.
И, хмыкнув про себя: «Вселенная»,
Подумает: протру-ка стёкла.

ПОЭТ

Он пишет. Пока ему двадцать – просто.
Он знает, что гений. Признанье не нужно.
Но в тридцать ему становится скучно,
Что всем вокруг до него нет дела.
На рифмы уже не подцепишь подружку.
И мама не просит, как раньше, копии,
Друзьям показать, на работе, тёте,
На память, мол, сохранить…

И вот уже сорок. Выходит книжка.
Экземпляров в тысячу, на подарки.
Однажды в более чем безликом
Он опубликован был альманахе.
И всё, народ его не заметил,
И женщины не задирают платья
При виде его. Репортёры не делают
Снимков: «Смотрите, он по Арбату
Идёт себе». Критиков не принудишь
Писать рецензии к его виршам.
И тут бы кончить самоубийством,
Но всё же подумает: «Пошло, вычурно!
Кто это, мол, вообще? Что нам? Плакать?»
В общем, плохая идея. Хватит!

И вот он живёт себе, думает: «Я же,
Буду нужен людям, столь одержимым
Поэзией… Я хоть и не Державин,
Но ведь это же я — модернист».
Вопрос: так долго ли ждать осталось?
«Посмертно. Как сотни из нас, великих», —
Его обнадёжить пытается разум.

Но чем ближе ко дню, уводящему в вечность,
Тем счастливее лик его, глаже морщины.
Смерть для него означает бессмертье.
Скоро, скоро он будет увенчан.

И душа перестанет страдать человечья
За никем не читанные стихи.

ПОРА

Раньше я много просила.
Красные апельсины
В детстве казались чем-то
Несбыточным. Растворились
В куче соблазнов. Были
Ещё карусели для взрослых
(То есть после четырнадцати).
Так и не прокатилась.
Сколько себя ни вспомню,
Всё время хотелось жизни.
Какой-то очень насыщенной,
Сказочной, как у братцев Гримм.
Видно, не заслужила.
А, получив что-то меньшее, злилась.
Глупая голова.

Немного я нажила.
Вот и пришла пора
Отдавать то немногое, что взяла.
Пустые трясти, без тузов рукава,
Роняя чужие слова.

V. Ничего уже не случится

***

Папа тащит меня к священнику,
В воскресенье, с утра, на исповедь,
Так навязчиво, и так искренне
Перед Богом меня выгораживать.
Зря пытается! Мне — не молится,
Мне не кланяется на службе.
Не пугает ни Страшный суд,
Ни погрешность весов Анубиса.

Папа, мне уже много лет:
Пиво пью и ругаюсь матом.
Перебила с десяток сердец,
И моё-то уже помято.
Папа, если уныние грех,
То у Данте ищи меня, в пятом.

Тесно и душно, устали ноги.
Теперь ещё исповедь перед причастием?
Это же ведь тебе, а не Богу,
Стыдно за меня — настоящую.
Для меня все мои грехи,
Может быть, источники счастья.

Жизнь закончится, и хорошо.
Пусть уж душу не тормошат,
В рай ли, ад ли, кому решать?

Пусть завидовала, лгала,
Всё на грани, а та — остра.
Жизнь была не «легче пера»,
А, Харон, ударом весла.

***

И душа во мне вся изъёрзалась,
Потому что ей хочется вылезти,
Потому что ей много хочется,
Не дают того. Трудно вынести
Ей. Щекочется и царапает.
То большая она, то сжатая,
Я б её отпустила, да только назад
Не вернётся под рёбра, на каторгу.
Её, нежную и надёжную,
Задушила почти, измучила
Голова моя безнадёжная,
Злополучная.

***

Смерть настигнет меня не снаружи
Воровским раскладным ножом,
Не раздавит на трассе фурой,
Не схоронит под снежной бурей,
Ни бичом меня, ни мечом.
Ей не сцапать меня живьём!
Не похитить меня ничем.

Смерть в крови у меня бурлит
Смерть под кожей моей сидит,
Как в тылу у врага бандит,
Как бессовестный паразит.
И когда-нибудь победит.

НЕВИДИМКА

1

Я хочу умереть бесследно,
Чтоб забыли в день похорон.
Я на камне надгробном мелом
Надпись требую. Я альбом
С фотографиями в пепел
Превращу вот уже сейчас.

Но, боюсь, и бессмертную душу
Взять с собою никто не даст.

2

Я стараюсь поменьше писем
Отправлять, не вести дневник.
Не люблю, когда произносят
Вслух, даже тихо, мою фамилию.

Я хотела б быть невидимкой.
Но и чёрная моя тень
В полдень всё ещё так огромна…
Заползти бы в неё, как в яму.

Я хочу умереть в одиночестве,
Без квартиры, семьи и животных.
Чтобы в каждой графе был прочерк,
Чтоб анкеты не знали почерк
Мой.

Каждый день я с себя смываю
Чужие улыбки,
Чужие жесты.
Даже самое сокровенное —
Тоже, кажется, не на месте.

***

Знаешь, милый, любовь моя (или юдоль),
Она — как хлопок ладонью одной.
Как цветы без вазы в июльский зной,
Или как рисунок на теле хной.

Это даже не рана, а просто боль,
И она всегда у меня с собой,
Это всё, что нас связывает с тобой,
И причём непрочно.

Но она моя и пускай болит.
Я боюсь лишь: однажды, перескулив,
Я начну равнодушно и мирно жить,
И что станет проще.

В этой пресной, сладенькой простоте
Мне нет места, кроме как на щите,
Тут уж впору подумать, какая из гибелей
Жёстче.

***

«Ничего уже не случится. Какая... жуть»
А. Вавилов

Ничего уже не случится. Спустилась ночь,
В незашторенных окнах рассеян фонарный свет.
Возле шкафа играет твой полосатый кот.
Больше, кроме него, ничего у нас общего нет.

Я не сплю, боюсь повернуться. Всё в тишине,
Более мёртвой, чем предрассветный город.
Да, когда же, Господи, умерло что-то во мне,
Почему так скоро?

Зимним утром босые окна ослепит свет.
Заискрит на открытом балконе утренний иней.
Я щёлкну конфоркой, стану готовить омлет…
Ничего не случилось.
— Доброе утро, любимый.

***

Подвести итог? Провести черту?
Как? Из точки ещё может выйти толк,
Если в запятую её загнуть,
Если ткнуть в бумагу разок ещё.

Провести черту — как хлестнуть кнутом,
Как разрезать скальпелем белый лист.
Провести черту — значит разделить
Нас с тобой. А дальше-то что, потом?

Изувечить безликим «прощай» гладь листа?
Или всё же беспомощное «пока» —
В уголке, как надежду на диалог,
Приютить со знаком вопроса?
Ниже. Имя… Твоя… Зачеркнуто.
Многоточие… Многоточие?

Почему нельзя обойтись без слов,
Обесточив внутренний монолог,
Обращённый к тебе, одному тебе,
Обескровив чернильницу и перо?

Провести черту… Провести самой?
Вот она на ладони моей дугой
Изгибается…

Кардиомонитор её сам когда-нибудь проведёт…

***

Отчего ж ты не ловил нас вечером во ржи?
Шли б давно уже домой мы полем вдоль межи,
Но из пропасти мы смотрим сквозь холодный дождь,
Как над нами безутешно колосится рожь.

***

В обручальное кольцо
Вновь попал кусочек мыла.
Будто треснуло лицо –
И стена, и дверь в квартиру
Издала как будто стон.
И от ветра взвыл балкон.

Ничего теперь святого
В блеске шрама золотого,
Что, как якорь, безымянный
Палец держит на мели.

Он своё уже не носит.
И рука его – пустая –
Держит чью-то. Так когда-то
Он, смеясь, сжимал мою.

Пусть кольцо ещё побудет,
Пусть оно меня погубит.
Да, я знаю, не коснётся
Золотой его близнец.

Пусть клеймом на сердце ляжет,
Пусть оно меня обяжет.
Может, там, на небе, после
Оно будет, как маяк.
Оно будет, как магнит.
И надежда победит.

***

И. В.

Достижения наши — растут из ада.
Из битья, пощёчин и щелбанов,
Не из сотен даже, из миллиардов
Трубок брошенных, стонущих длинных гудков.

Из невстреч, расставаний, пинков, подножек,
Издевательств в школе и во дворе.
Из ухмылок дьявольских: «Ты не сможешь!»,
Из сомнений как в таковом добре.

Что поддержка друга на фоне боли?
Что мне рай по сравнению с вышей лигой?

Пусть так. Спасибо тебе, родной,
За эту — вторую — книгу.

Содержание

I. Тёмные воды 5

«Мир нечёток. В очках смотри или без...» 5
«Жизнь исхожена, словно за домом рощица...» 6
«Одному подставляю щёку, другому плечо...» 7
«Ночью, в плацкарте, на нижней полке...» 8
«Словно в тёмные воды озёрные...» 9
«В закатное небо — щепоткой басмы...» 10
«Душа распрямилась упругой веткой...» 11
Non serviam? 12
«Всё-таки я не умею любить красиво...» 13
«– Как на личном фронте? – Навоевалась...» 14
«Да, конечно, слово не воробей...» 15
Триптих: письма 16

II. Вне 19

«Я первой захожу в траву...» 19
«Тоненькая была и упругая...» 20
«Всё гораздо проще, если представить...» 21
«И когда застыла ночная мгла...» 22
«Хорошо жилось мне, пока ребёнком...» 23
«Тот презрительно смотрит на воробья...» 24
Птица 25
«Так в детстве, прыгая с качелей...» 27
«Страшно, когда в праворульной машине...» 28
Кенотаф 29
«Я иду в твой сон, я вокруг руки...» 30
Потоп 2.0 31
Адам 32
«Они скоро поступят в продажу...» 33
«Жизнь измеряя вёснами...» 34

III. Закадровый плач 35

«Неизбывной тоске не видно...» 36
Надежда 37
Горе 38
«Ночь с бессонницей ходят под руку...» 39

«Вечно брошенные, зарёванные...» 40
«Затянув платок, запахнув пальто...». 41
«От внутренний дрожи валятся с полок...» 42
Зависть 43
Инкубус 43
Молитва 44
Silentium 46

IV. На разных берегах 47

«На разных берегах одной реки» 47
«Вновь из гостей возвращаюсь одна...». 48
«Так в послепраздничном похмелье...» 49
Колыбельная 50
«Вишня в цвету и яблоня...». 51
«Но пресыщение порою...». 52
«За недоверчивость свою...». 53
«Ты, конечно, оставил меня, как водится...» 54
«Когда выходишь в минус двадцать...» 55
«Наш охранник верил в инопланетян...» 56
«Как всё случилось? Вдруг! Ошибка ли? Судьба...» . . .57
«Дождь. Темнота. Позади — продуктовый...» 57
«Взяв в руки книгу со стихами...». 58
Баллада о первых свиданиях 59
Поэт. 61
Пора 62

V. Ничего уже не случится 63

«Папа тащит меня к священнику...». 63
«И душа во мне вся изъёрзалась...» 64
«Смерть настигнет меня не снаружи...» 65
Невидимка 66
«Знаешь, милый, любовь моя (или юдоль)...» 67
«Ничего уже не случится. Спустилась ночь...» 68
«Подвести итог? Провести черту?..» 69
«Отчего ж ты не ловил нас вечером во ржи?..». 70
«В обручальное кольцо...» 70
«Достижения наши — растут из ада...». 71

Редактор: Д.Кантов
Автор обложки: А.Миронов

Екатерина ЗИНУРОВА

НА ЩИТЕ

стихи

Подписано в печать .09.2019 г.
Формат 80х108/32. Бумага офсетная.
Тираж 200 экз.
Отпечатано в типографии ООО «Транзит-ИКС»
г. Владимир, ул. Электрозаводская, д. 2, оф. 55